

РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВА И ЗАДАЧИ СОЦИАЛЬНОЙ КОГНИТИВИСТИКИ

Ц.В. Жигмытов, А.Г. Сандакова
Бурятский государственный университет,
Улан-Удэ, Россия

ts.zhigmytov@bsu.ru, aivt@list.ru

Развитие общества представлено как один из видов его усложнения. Показано, что усложнение имеет два основных качественных параметра – направление и характер, объединенных понятием когнатуры. Направление развития определяется иерархией проблем, выбранных и упорядоченных обществом, а характер развития задаётся принятыми в обществе типовыми способами решения проблем. Проблемы, в свою очередь, порождены потребностями, а типовые решения – склонностями субъекта. Показана связь данной концепции с классическими теориями К. Маркса, М. Вебера, а также с синергетическими парадигмами. Актуальность концепции обуславливается растущей сложностью глобальной ситуации и множественностью факторов, влияющих на нее. Определен базовый проблемный уровень социальной когнитивистики, заключающийся в связях когнитивных конструктов и социальных феноменов. Сформулирована основная задача: выяснение того, каким образом взаимодействие принимаемых решений, порожденных когнатурой общества, формирует социальную реальность.

Практическое приложение социальной когнитивистики лежит в направлении выработки методологии оценки принимаемых решений и воплощаемых проектов всех уровней, начиная с индивидуального и заканчивая глобальным, именно с точки зрения изменений сложности. Фундаментальный принцип, лежащий в основе таких оценок, – это *неубывание сложности*. Наше предположение состоит в том, что каждое наше решение должно быть одновременно и адекватным реальности, и не уменьшать сложность ее состояния, так как есть основания полагать, что упрощающие реальность решения работают лишь до некоторого предела, за которым следует возрастание энтропии, а затем катастрофа.

Ключевые слова: когнатура, когнитивные факторы развития, критерии сложности, развитие общества, социальная когнитивистика, усложнение социального развития.

DOI: 10.17212/2075-0862-2017-1.2-80-92

Современный этап развития общества характеризуется его усложнением и множественностью факторов, влияющих на все сферы его жизнедеятельности. Развитие общества понимается нами как один из видов его усложнения, как рост того вида его сложности, которую можно назвать эффективной [21, с. 24]. Очевидно, далеко не всякое усложнение означает развитие, однако есть веские основания полагать, что развитие всегда или почти всег-

да означает рост определенного вида (видов) сложности. Так, Б.А. Грушин в статье «Развитие» в Новой философской энциклопедии указал, что «в силу системного характера развивающегося объекта возникновение или исчезновение в его структуре какого-либо составляющего никогда не равно только количественному изменению, простому прибавлению или вычитанию «одного», но *ведет к возникновению множества новых связей и зависимостей,*

к преобразованию старых и т. д.» [3] (курсив наш). Стаффорд Бир, британский кибернетик «второй волны», действительно фундаментальной проблемой управления (проблемы которого теснейшим образом связаны с проблемами развития) считал именно «...проблему сложности: как ее измерить, как с нею справиться» [2, с. 9]. Социальным субъектам всё больше и больше приходится иметь дело со сложностью и усложнением, причем эта тенденция вовсе не ограничивается рамками только социального, а, скорее, отражает основополагающий, фундаментальный принцип современного бытия: «Усложнение со всё большей степенью полноты выражает ведущую тенденцию бытия материального мира. Сложность – это показатель отличия одной ступени развития от другой» [25, с. 58].

Сложность как процесс (усложнение) имеет направленность, форму, характер и структуру. Ограничивая область рассмотрения развитием в его социальном измерении и задаваясь вопросом о том, что же определяет его направление и структуру, приходим к выводу, что результативная социальная сложность, взятая в конкретный момент времени, в определенном смысле инициирована иерархией проблем, принятой социальным субъектом, порождена ей, т. е. является тойинбианским Ответом на Вызов истории, среды или ситуации. В самом деле любой социальный институт, понимаемый как определенный тип глубинной регулярности во взаимоотношениях и поведении людей, своим появлением обязан конкретной и весьма насущной на тот момент проблеме или комплексу проблем, решение которых, собственно, его и сформировало. Например, в классической работе Ф. Энгельса «Происхождение семьи,

частной собственности и государства», написанной по материалам книги Л. Моргана «Древнее общество», образование устойчивых форм семьи связывается с повышением выживаемости групп людей, т. е. семьей как институтом можно понимать как ответ на вызов среды. Направление развития общества и динамика его эффективной сложности определяются иерархией проблем, стоящих перед ним, а характер, механизм, формы и сущность этого усложнения, по видимому, решающим образом зависят от избранного способа их решения.

Таким образом, задача развития общества, пусть даже поставленная в таком общем, приблизительном виде, с необходимостью подразумевает задачи выявления и постановки проблем, выстраивания их иерархии, а также поиска эффективного их решения. Иными словами, эти задачи представляют собой «ядро» проблемы социального развития, причем ядро это когнитивное: выявление, формулировка, упорядочивание и решение проблем представляют собой в первую очередь процессы познания, когниции, происходящие в индивидуальном и общественном сознании. Без решения этих задач, без подлинного освоения этих процессов трудно ожидать какого-либо управляемого роста эффективной сложности общества, т. е. социального развития. Такова отправная точка нашего исследования, во многом очевидная и, разумеется, неоднократно озвученная самыми авторитетными деятелями самых разных взглядов. К. Поппер в рецензии на книгу Э. Грасси и Т. фон Эксюля пишет: «...(неогуманизм) утверждает, что только познание человека и его “природы” – его творчества – может излечить болезни нашего времени» [17, с. 622]. А.М. Коршунов и В.В. Мантатов указывают, что «истинное

знание дает принципы подхода к реальности, т. е. приобретает методологическое значение» [14, с. 104]. Английский физик и философ Д. Дойч говорит о характерной для статичных обществ неспособности быстро создавать знания, которая рано или поздно превращает какую-либо проблему в катастрофу [7, с. 556]. Еще лаконичнее выражаются В.В. Иванов и Г.Г. Малинецкий: «Путь в будущее связан с пониманием» [11, с. 11].

Развитие общества, таким образом, требует, подразумевает и представляет собой определенного вида усложнение, необходимым, но не достаточным образом зависящее от определенных структур и процессов сознания. Эта зависимость требует выявления и изучения. Каков же механизм взаимодействия когнитивного ядра, т. е. познания, и социального развития, т. е. усложнения? Какие необходимости связывают эффективную сложность общества и структуры общественного сознания? Что именно в нашем сознании способствует развитию, а что ему препятствует, и каким образом? Наличие каких его конструктов требует социальное развитие, а от каких, возможно, лучше было бы избавиться, и почему? Эти вопросы очерчивают базовый проблемный уровень междисциплинарного научно-философского направления – социальной когнитивистики, объединяющей в своей проблематике сложнейшие из известных нам феноменов: сознание и общество.

Актуальность этих вопросов и необходимость сильных ответов на них порождены текущим историческим моментом: в условиях турбулентной глобализации и обостряющейся конкуренции цивилизационных проектов как «черновики» грядущего общество, владеющее более глу-

боким знанием о социальном развитии, имеет ключевое, стратегическое преимущество в борьбе за собственное выживание и процветание. Конкретно для нашей страны можно без малейшего преувеличения зафиксировать следующую максимум: нам нужно не просто эффективное, а сверхэффективное, опережающее развитие, в полном соответствии с лозунгом великого советского физика и организатора науки И.В. Курчатова «Не догонять, а обгонять» [22, с. 93]. Для решения этой задачи потребуются «пересборка знания», парадигмальный сдвиг, новое осмысление наследия великих ученых XIX–XX веков – осмысление, критическое, избирательное, базирующееся на стремлении к действительному постижению социальной реальности (и не только ее).

Ни в коем случае не умаляя вклада великих мыслителей XIX–XX веков в понимание социального, нельзя не отметить, что заданные ими парадигмы (Г. Кун) и научно-исследовательские программы (И. Лакатос), похоже, не обеспечивают глубины и качества этого понимания, настоятельно требуемого текущей ситуацией. Несмотря на отдельные бурно развивающиеся направления, в первую очередь связанные с системами коммуникаций, общий тон выступлений мирового и отечественного научного сообщества скорее пессимистический. Так, крупный британский социолог Э. Гидденс, признавая огромное влияние в теоретической социологии идей эволюционистской и структурно-функционалистской традиции, берущей своё начало с работ Э. Дюркгейма, О. Конта, а в XX веке представленной работами Р. Мертон и Т. Парсонса, в своей книге «Устроение общества» всё же подытоживает: «Теория Парсонса иллюстрирует практически все па-

губные тенденции, свойственные, на наш взгляд, эволюционным концепциям. Она несомненно являет собой пример «изложения мирового развития»; она страдает вследствие однолинейной ограниченности и фактически преднамеренно впадает в то, что мы именуем *нормативной иллюзией*» [5, с. 374] (курсив наш). В.И. Франчук, автор оригинальной общей теории социальных организаций, отмечает, что «теория Т. Парсонса оказалась невостребованной, так как он исходил из неверных, на наш взгляд, методологических посылок. В своих научных построениях Т. Парсонс полностью доверился модной в конце 1940-х – начале 1950-х годов общей теории систем (системному подходу) Л. Бергаланфи. Системный подход в своей основе является *метафизическим*, поскольку опирается не на реальность, а на некую абстракцию, называемую системой» [27, глава 1.3] (курсив наш). Иначе говоря, при всей проработанности и изощренности теории Т. Парсонса и других функционалистов страдают от априорных, часто непроговариваемых допущений нормативного и метафизического характера, не позволяющих исследователям получить от этих теорий то, что не было бы заложено в них изначально, в отличие, например, от предсказания свойств неоткрытых элементов в химии на основании Периодического закона в химии. При этом из практической неприменимости этих теорий для понимания обществ не следует ложность положений, из которых они составлены, ведь «можно согласиться со всеми фактами и суждениями о них, содержащимися в том или ином исследовании, но это не означает истинности всей теоретической работы» [14, с.84].

Иначе обстоит дело с другим влиятельнейшим направлением в социологической

мысли, которое связано с работами К. Маркса и М. Вебера. Теории этих мыслителей имеют как сходство, так и различия, позволяющие говорить об их некоторой дополнительности, комплементарности. Так, М. Вебер, соглашаясь с определяющей ролью объективных экономических условий, считает, что на формирование и поведение класса, а значит, и на развитие обществ оказывает влияние гораздо большее число факторов, чем смог заметить Маркс (потребности и противоречия). В своей знаменитой работе «Протестантская этика и дух капитализма» М. Вебер, на наш взгляд, фактически вскрывает механизм взаимодействия определенных когнитивных факторов, или, в терминах В.И. Франчука, «образцов организационной культуры», с изменением и развитием обществ. Вебер прекрасно осознавал ключевую роль этих факторов: «Речь идет об обусловленности “хозяйственного мышления”, “этоса” данной формы хозяйства определенной религиозной направленностью» [4, с. 16].

История показала, что опора на объективные экономические условия в исследованиях социальной динамики полностью оправдала себя методологически и до сих пор служит отправной точкой для всех современных попыток понимания социального бытия. Дополненная как веберовской парадигмой, так и другими сильными, плодотворными научными теориями, она представляется первым и наиболее надежным ориентиром в социальном познании; ориентиром, но, подчеркнем, не ограничителем. Так, Р. Коллинз, предсказавший в 1980 году распад «Советской империи», под которой понимался СССР со странами Варшавского договора (и, в отличие от других предсказателей, опиравшийся на разработанную им научную теорию), в главе

«Рыночная динамика как движущая сила исторических изменений», в которой он «пытается спасти то, что осталось от Маркса», пишет: «Я действительно слеую классическому порядку типов [социально-экономических отношений], заданному Марксом и Энгельсом, но главным образом для того, чтобы напомнить: они являются той отправной основой, от которой отталкивается мое рассуждение» [13, с. 313].

Как бы ни была популярна и удобна теория, она очень сильно зависит от культурной ситуации, контекста и парадигмы. Если даже Р. Коллинз, по оценке Н.С. Розова, «иногда поддается авторитету своих источников» [20, с. 322], то с уверенностью можно полагать, что точность макросоциологических выводов зависит от того, насколько точны и сильны проблемы, концепции и теории, выбранные их авторами в качестве опоры, источников и инструментов. Концепций и теорий в западной теоретической социологии наблюдается очень большое количество, причем ни одна из них, похоже, не может претендовать на более фундаментальное, чем остальные, понимание общества и процессов, протекающих в нем. Иначе говоря, «... (теоретической) социологии уготовано будущее аморфной, слабо структурированной, интеллектуально эклектичной дисциплины» [23, с. 37]. Хотя Дж. Тернер в цитируемом отрывке исходил из состояния американской социологии в 90-е годы XX века, полагаем, что это пророчество сбылось и для европейской, и для мировой теоретической социологии, и в еще большей степени – для социальной философии и философской антропологии. Достигают ли, обеспечивают ли «сто цветов и сто школ» социальной мысли тот уровень сложности и разнообразия, который

необходим, согласно принципу Эшби [28, с. 294], человечеству для управления как создаваемой им и стремительно усложняющейся «второй природой», так и для взаимно безопасного взаимодействия с осваиваемой им первой, изначально бесконечно сложной? Несмотря на наличие «синтетических» работ Р. Коллинза и Э. Гидденса, очевидно являющихся не просто «собираателями сливок», а вполне самостоятельными и крупными мыслителями, нам представляется, что ответ «скорее, нет». В ситуации какого-либо конкретного вызова у нас нет надежного критерия, по которому следует выбирать ответ, пусть даже мы знаем, что на каждую проблему есть своя «теория среднего уровня», или «теория чего-либо» [23, с. 33]; ситуация сходна с поиском книги в библиотеке, лишенной каталога.

Можно констатировать, что и человечество в целом, и конкретно российское общество настигает «цунами сложности», на которое у нас пока нет внятного ответа. Сложность производится и растущим населением, и умножающимся количеством связей внутри него (чему способствует бурное развитие систем коммуникации), и увеличивающимся индустриальным могуществом человека. Критически меняется баланс «человек–природа», человечество стало фактором глобального масштаба, и теперь на его плечах ответственность не только за свою судьбу как одного из видов живых существ, но и за всю планету. Сама природа требует от нас стать друими, вырасти из колыбели редуccionизма, эгонизма и иждивенчества, требует «расставания с простотой» (Н.Н. Моисеев), в противном случае через механизм «черных лебедей» Н. Талеба готова нам судьбу тысяч и тысяч видов, навеки исчезнувших с лица земли. «Стать друими» – это и есть разви-

тие; поскольку речь идет о человеческих обществах, то развитие это социальное, и мы возвращаемся к развитию как к определенному виду усложнения.

Рассматривая процесс усложнения какого-либо общества, можно выделить два качественных параметра: *направление* этого усложнения и его *характер*. Направление усложнения связано с выбором: поскольку невозможно усложняться сразу во всех аспектах и измерениях одновременно, то развитие происходит только в каком-то ограниченном их наборе – именно этот набор аспектов, свойств, измерений мы и будем называть направлением развития. Направление, таким образом, определяется иерархией каким-то образом упорядоченных проблем, выбранных для решения. Относительно них в обществе должен быть определенный консенсус; иерархия и представляет собой воплощение этого консенсуса. Иерархия проблем общества – это многомерный и многослойный когнитивный конструкт, дающий возможность формировать «проблемные карты местностей». (В обществе А в «карте главных проблем» основной может считаться коррупция, а в обществе Б – отсутствие толерантности; и приоритет проблем, и сами «карты» сформированы исходя из иерархии проблем.) Сами проблемы, составляющие иерархию, основаны на потребностях; соотношение потребностей и проблем является соотношением порожденности, проявленности. Проблема – это определенным образом превращенная в сознании потребность или комплекс потребностей, при этом одна и та же потребность может порождать разные проблемы в зависимости от обстоятельств, человека, субъекта. Потребности, таким образом, преобразуются людьми и обществом

в проблемы, выстраиваемые ими в иерархии. Далее, решение этих проблем порождает, выявляет новые потребности, которые снова преобразуются в проблемы и их иерархии, и т. д.

Заметим, что и марксистский взгляд, рассматривающий социальную динамику как результат противоречия между классами, порожденного несоответствием производственных отношений и производительных сил, и цивилизационный подход, оперирующий понятиями Вызова и Ответа, а также, видимо, и некоторые другие теории являются частными случаями, вариантами или, напротив, основаниями этой модели. Что касается материалистической диалектики, то, присоединяясь к мнению ряда исследователей о том, что синергетическая парадигма является ее конкретизацией, развитием и дополнением (см. [6, 15, 26]), считаем возможным заключить, что она также представлена в наших рассуждениях.

Второй качественный параметр усложнения, его характер, показывает, как именно это усложнение происходит, поскольку одну и ту же задачу можно решить разными способами. Характер развития определяется способами решения проблем, принятыми в этом обществе, а эти способы, в свою очередь, порождены способностями, склонностями субъекта. Как одни и те же потребности дают разные проблемы, так и одинаковые способности могут давать разные способы решения проблем в зависимости от многих других факторов. Тем не менее есть основания полагать, что на определенном уровне обобщения набор способов решения проблем у каждого конкретного общества в конкретный момент времени не слишком велик, поскольку также является результатом консенсуса, т. е. согласия многих.

Итак, направление развития – это общепринятый в рамках общества набор проблем, порожденных потребностями, их иерархия, а также иерархия ценностных ориентиров. Характер развития – это общепринятые, типичные способы решения проблем, порожденные способностями, преобладающими в обществе. Способ превращения потребностей в проблемы, т. е. способ выявления и постановки проблем; способ их упорядочивания по какому-либо критерию, построения иерархии, проблемной карты местности; способ решения проблем исходя из наличных средств и сил – все эти способы (паттерны, подходы) следует рассматривать в первую очередь как когнитивные конструкты, подлежащие пониманию и управлению.

В связи с этим можно говорить о *когнатуре* общества (от слов «когнитивный», «сигнатура», а также «натура» в смысле «природа»), представляющей собой взаимосвязанное единство иерархии проблем и способов их опознания, постановки, упорядочивания и решения. Здесь, на наш взгляд, уместна отдаленная аналогия из биологии поведения, где используется понятие «фиксированные комплексы действий» (см., например, [9, с. 156]). С точки зрения развития когнатура представляет собой совокупность направления и средств этого развития. Более того, она накладывает жесткие ограничения на пространство вариантов развития и, имея ключевое значение для понимания общества, прорастает из множества решений на микросоциальном уровне. Эти решения, выборы при росте масштабов преобразуются (в частности, через механизмы самоорганизующейся критичности, блестяще описанные П. Баком в [1]) в тактические и стратегические паттерны, характерные для

больших обществ, объединенных в государства. Далее, последствия реализации стратегии и тактики развития, отпечатываясь в исторической и культурной памяти народа, формируют новые пути преобразования потребностей в проблемы, построения иерархии проблем, их типовые решения и т. д.

Метафорически когнатуру можно описать как мыслимую картину мира плюс средства ее постройки и (или) усовершенствования. Концепт, понятие такого уровня обобщения понадобится для абстракций следующих уровней, которые, на нашем убеждению, неизбежны по той простой причине, что человек в познании мира всегда упрощает его. После выхода в 1956 году знаменитой статьи Дж. Миллера «Магическое число семь плюс-минус два» не было получено никаких опровержений того, что возможности мозга (а значит, и познания) существенно ограничены в плане контроля и учета большого количества параметров, поэтому единственная наша стратегия – это упрощение, но упрощение эффективное, многоуровневое, фрактальное. Наша когнатура должна по возможности «накрывать» и «пронизывать» всю реальность, мы не должны тонуть в ней в погоне за деталями и частностями конкретных областей, от чего страдают многие современные научные дисциплины. Надо избавиться от стремления к «абсолютной точности во всем», мера точности в теориях и концептах должна быть *обусловлена проблемой*. Понятие когнатуры, таким образом, дает возможность выхода в пространство смыслов и дискурсов, находящееся выше поля соперничества теорий и парадигм, и, на наш взгляд, дает точку обзора всей «карты местности» с опорой на лучшие достижения научной мысли.

Х. Ортега-и-Гассет говорил: «Жить – это постоянно решать, чем мы будем. <...> Жить – значит непрерывно, изначально что-то предпочитать и чем-то пренебрегать» [16, с. 174]. Фундаментом нашей жизни как «присутствия в этом мире» является решение, выбор – в какой точке пространства, в какой момент и в каком состоянии мы будем находиться, и наше сознание критическим образом влияет на этот выбор. Решения отдельных людей, рассматриваемые в масштабах социальных агрегатов, сообществ и обществ, образуют весьма характерные наблюдаемые паттерны, которые калининградский исследователь Р. Уфимцев называет когнитивными. В количественном смысле они характеризуются степенными распределениями, в качественном – имеют характер самоорганизованно-критических процессов, в структурном плане обладают свойствами рекурсивности, самоподобия, фрактальности. Часть этих решений, сочетаясь между собой, способствуют порождению новой эффективной сложности, адекватной реальности; другая часть препятствует такой сложности, третья не оказывает на нее прямого влияния. Таким образом, интуитивно полагая ясным, что когнатура общества необходимым, а зачастую решающим, критическим образом влияет на усложнение общества, обуславливает его «этос» и «хозяйственное мышление» (М. Вебер), определяя направление этого усложнения и ограничивая совокупность его вариантов, мы можем сформулировать основную задачу социальной когнитивистики: раскрыть механизмы формирования социальной реальности путем взаимодействия решений и выборов людей, порожденных когнатурой общества. (Н.С. Розов пользуется термином «габитус», введенным П. Бурдьё; развитие его динамической

концепции менталитета [19, с. 60], похоже, может дать ответы на многие поставленные здесь вопросы.)

В этой задаче можно выделить две взаимно обратные подзадачи. Первая заключается в понимании того, каким именно образом структуры сознания проявляются в социальной, экономической и политической динамике, влияют на нее, формируют и обуславливают ее. Вторая ставит вопрос о том, какая когнатура (когнатуры) нужна или, наоборот, противопоказана для гипотетического целевого состояния изучаемого общества. Первая подзадача подчинена второй: понимая, как когнатуры проявляют себя в социальном и историческом времени, требуется по желаемому состоянию «здания» определить и свойства его «кирпичиков», и набор «инструментов», потребный для его постройки. Задача является актуальной, ведь «...до настоящего времени не удалось сформировать целостное представление о проблемах социальной самоорганизации и путях их преодоления для перехода к социальному самоуправлению» [10]. В случае нашей страны мы, собираясь построить устойчиво и эффективно усложняющееся общество, ставим задачу выяснить, какие же когнитивные паттерны способствуют такому усложнению, какие препятствуют, а какие нам еще предстоит освоить или создать. К решению этой и сходных задач исследователи подходят с различных, но в целом довольно близких позиций, в том числе и синергетических: «...многие социальные кризисы и бифуркации оказались совершенно неожиданными, причем в рамках линейного подхода для них не удается найти убедительные объяснения. Социально-синергетические процессы, особенно в момент бифуркации, выявили теоретические и методологи-

ческие границы существующих теорий социальной динамики» [8, с. 9] (см. также обзор Л.И. Бородкина концепций синергетики в методологии исторических исследований [3]).

Практическое приложение социальной когнитивистики лежит в направлении выработки методологии оценки принимаемых решений и воплощаемых проектов всех уровней, начиная с индивидуального и заканчивая глобальным, именно с точки зрения изменений сложности. Фундаментальный принцип, лежащий в основе таких оценок, — это *неубывание сложности*; наше предположение состоит в том, что каждое наше решение должно быть одновременно и адекватным реальности, и *не уменьшать сложность её состояния*, так как есть основания полагать, что упрощающие реальность решения работают лишь до некоторого предела, за которым следует возрастание энтропии, а затем катастрофа.

Также можно заметить, что функции опознания и постановки проблем, превращения потребностей в проблему делят между собой искусство, религия и наука, являющиеся важными элементами когнатуры. В части поиска решения проблем безоговорочный приоритет уже несколько столетий остается за наукой, из чего следует очевидный, но не становящийся от этого менее важным вывод: ядром развития общества, понимаемого как эффективное усложнение в результате решения проблем и в ответ на вызовы, является развитие настоящей науки, которая подлинным образом нацелена на опознание, постановку и решение проблем. Именно в такой науке (и в меньшей степени в искусстве и религии) создается то самое «пространство возможностей» развития для общества, критически осмысливается его когнатура, го-

товятся решения и пути, предлагаемые обществу и подлежащие его оценке по описанной выше в общих чертах иерархии критериев.

В завершение этого краткого и неполного изложения когнитивного и сложностного взгляда на социальное развитие и связанные с ним задачи хотелось бы подчеркнуть, что возможности когнитивных исследований в социальной сфере, на наш взгляд, не исчерпываются оценками вероятностей и разработкой сценариев будущего. Сверхзадача социальной когнитивистики заключается, на наш взгляд, в понимании принципов конструирования, точнее, самоконструирования обществ и далее — человечества с полным раскрытием его неисчерпаемого потенциала.

Литература

1. Бак П. Как работает природа: теория самоорганизованной критичности: пер. с англ. — М.: УРСС, 2014. — 276 с. — (Синергетика: от прошлого к будущему; вып. 66).
2. Бир С. Мозг фирмы: пер. с англ. — Изд. 3-е. — М.: Либроком, 2009. — 416 с.
3. Бородкина Л.И. «Порядок из хаоса»: концепции синергетики в методологии исторических исследований // Новая и новейшая история. — 2003. — № 2. — С. 98–118.
4. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма: пер. с нем. — Ивано-Франковск: Ист-Вью, 2002. — 352 с.
5. Гидденс Э. Устроение общества: очерк теории структуризации: пер. с англ. — 2-е изд. — М.: Академический проект, 2005. — 528 с.
6. Гобозов П.А. Социальная философия: диалектика или синергетика? // Философия и общество. — 2005. — № 2 (39). — С. 5–17.
7. Дойч Д. Начало бесконечности: объяснения, которые меняют мир: пер. с англ. — М.: Альпина Нон-фикшн, 2014. — 581 с.
8. Ельчанинов М.С. Социальная синергетика и катастрофы России в эпоху модерна. — М.:

УРСС, 2005. – 240 с. – (Синергетика в гуманитарных науках).

9. Жуков Д.А. Стой, кто ведет? Биология поведения человека и других зверей. Т. 1. – 2-е изд. – М.: Альпина нон-фикшн, 2015. – 428 с.

10. Зернов С.В. Интеллектуальное управление и социальная эволюция // XII всероссийское совещание по проблемам управления: труды ВСПУ-2014, Москва, 16–19 июня 2014 г. – М., 2014. – С. 6187–6196.

11. Иванов В.В., Малинецкий Г.Г. Россия. XXI век. Стратегия прорыва: технологии, образование, наука. – М.: Ленанд, 2016. – 304 с.

12. Коллинз Р. Макроистория: очерки социологии большой длительности / пер. с англ. Н.С. Розова. – М.: УРСС: Ленанд, 2015. – 504 с.

13. Коршунов А.М., Мантатов В.В. Диалектика социального познания. – М.: Политиздат, 1988. – 383 с. – (Над чем работают, о чем спорят философы).

14. Некрасов С.И., Некрасова Н.А. Взаимоотношение диалектики и синергетики // Позиция. Философские проблемы науки и техники. – 2013. – № 7. – С. 23–29.

15. Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия?: сборник. – М.: Ин-т философии РАН, 1991. – 408 с. – (Мыслители XX века).

16. Поннер К.Р. Предположения и опровержения: рост научного знания: пер. с англ. – М.: АСТ, 2008. – 638 с.

17. Развитие [Электронный ресурс] // Новая философская энциклопедия. – URL: <http://iph.ras.ru/elib/2519.html> (дата обращения: 20.01.2017).

18. Розов Н.С. Динамическая концепция менталитета и изменчивое разнообразие рос-

сийских габитусов // Идеи и идеалы. – 2010. – № 1 (3), т. 1. – С. 60–79.

19. Розов Н.С. Идеи и интеллектуалы в потоке истории: макросоциология философии, науки и образования. – Новосибирск: Манускрипт, 2016. – 344 с.

20. Сандакова А.Г., Жигмытов Ц.В. Социальная проблема как источник эффективной сложности // Вестник БГУ. – 2015. – № 14. – С. 23–29.

21. Игорь Васильевич Курчатов в воспоминаниях и документах / Российский научный центр «Курчатовский институт»; редкол.: Ю.Н. Смирнов (отв. сост.) и др. – М.: ИздАТ, 2003. – 638 с.

22. Тернер Дж. Прошлое, настоящее и будущее в американской социологии // Личность. Культура. Общество. – 2001. – Т. 3, № 2 (8). – С. 11–39.

23. Турчин В.Ф. Феномен науки: кибернетический подход к эволюции. – М.: Наука, 1993.

24. Утробин И.С. Категория сложности и конкретно-всеобщая теория развития // Новые идеи в философии. – 1994. – № 2. – С. 56–68.

25. Федяев Д.М. Диалектика и синергетика: назад к первоисточникам // Известия Уральского федерального университета. Серия 3. Общественные науки. – 2011. – Т. 94, № 3. – С. 5–13.

26. Франчук В.И. Общая теория социальных организаций. – М.: Союз, 2001. – 236 с.

27. Эшби У.Р. Введение в кибернетику: пер. с англ. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1959. – 432 с.

DEVELOPMENT OF SOCIETY AND THE SOCIAL COGNITIVE SCIENCE OBJECTIVES

C.V. Zhigmytov, L.G. Sandakova
Buryat State University,
Ulan-Ude, Russian Federation
ts.zhigmytov@bsu.ru, aivt@list.ru

The development of society is presented as a type of its complicity. The complicity is shown to have two major quality parameters – the direction and nature – unified by the concept of cognature. The direction of development is determined by the hierarchy of the problems society chooses and gradates, and the nature of development is given by the methods of problem solving typical for the society. The problems, in turn, are created by the needs of a subject (an actor) and the typical methods of problem solving by its dispositions. This theory is shown to be related to classical theories of Karl Marx, Max Weber and synergetic paradigms as well. The relevance of the theory is stipulated by the growing complexity of the global situation and the multiplicity of factors influencing it. The basic problematic level of the social cognitive science is identified. It consists of relations between cognitive constructs and social phenomena. The main task of clarifying how the interaction of made decisions created by cognature of a society assembles the social reality is worded.

Practical application of social cognitive science is the methodology elaboration of appraisals of the decisions to be made, the projects to be implemented at all levels, starting with the individual level up to the global one taking into account the complicity change. The fundamental principal underlying such appraisals is *not diminishing the complicity*; every decision should be both adequate to reality and *not diminish its complicity* because there are reasons to suppose that simplifying reality decisions work only till the definite point, after which entropy starts growing and it ends in catastrophe.

Keywords: cognature, cognitive factors of development, criteria of complicity, development of society, social cognitive science, complication of the social development.

DOI: 10.17212/2075-0862-2017-1.2-80-92

References

1. Bak P. *How nature works: the science of self-organized criticality*. New York, Copernicus, 1996 (Russ. ed.: Bak P. *Kak rabotaet priroda: teoriya samoorganizovannoi kritichnosti*. Translated from English. Moscow, URSS Publ., 2014. 276 p.).
2. Beer S. *Brain of the firm*. Chichester, John Wiley & Sons, 1972 (Russ. ed.: Bir S. *Mozg firmy*. 3rd ed. Moscow, Librokom Publ., 2009. 416 p.).
3. Borodkin L.I. “Poryadok iz khaosa”: kontseptsii sinergetiki v metodologii istoricheskikh issledovaniy [“The order from chaos”: concepts of synergetics in the methodology of historical studies]. *Novaya i noveishaya istoriya – Modern and Current History Journal*, 2003, no. 2, pp. 98–118.
4. Weber M. *Protestantskaya etika i dukh kapitalizma* [The protestant ethic and the spirit of capitalism]. Translated from German. Ivano-Frankovsk, Ist-V’yu Publ., 2002. 352 p. (In Russian)
5. Giddens A. *Constitution of society: outline of the theory of structuration*. Berkeley, University of California Press, 1984 (Russ. ed.: Giddens E. *Ustroenie obshchestva: ocherk teorii strukturatsii*. Translated from English. 2nd ed. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2005. 528 p.).
6. Gobozov I.A. Sotsial’naya filosofiya: dialektika ili sinergetika? [Social philosophy: dialectics or

- synergetics?]. *Filosofiya i obshchestvo – Philosophy and Society*, 2005, no. 2 (39), pp. 5–17.
7. Deutsch D. *The beginning of infinity: explanations that transform the world*. London, Allen Lane, 2011 (Russ. ed.: Doich D. *Nachalo beskonechnosti: ob'yasneniya, kotorye menyayut mir*. Translated from English. Moscow, Al'pina non-fikshn Publ., 2014. 581 p.).
8. El'chaninov M.S. *Sotsial'naya sinergetika i katastrofy Rossii v epokhu moderna* [Social synergetics and Russia's catastrophes in Modern epoch]. Moscow, URSS Publ., 2005. 240 p.
9. Zhukov D.A. *Stoi, kto vedet? Biologiya povedeniya cheloveka i drugikh zverei*. T. 1 [Stop! Who's ruling? The biology of humans' and other animals' behavior. Vol. 1]. 2nd ed. Moscow, Al'pina non-fikshn Publ., 2015. 428 p.
10. Zernov S.V. [Intellectual management and the social evolution]. *XII vserossiiskoe soveshchaniya po problemam upravleniya: trudy VSPU-2014* [Proceedings of the XII All-Russia meeting on governance VSPU 2014], Moscow, 16–19 June 2014, pp. 6187–6196. (In Russian)
11. Ivanov V.V., Malinetskii G.G. *Rossiya. XXI vek. Strategiya proryva: tekhnologii, obrazovanie, nauka* [Russia, XXI century. The breakthrough strategy]. Moscow, Lenand Publ., 2016. 304 p.
12. Collins R. *Macrohistory: essays in sociology of the long run*. Stanford, CA, Stanford University Press, 1999 (Russ. ed.: Kollinz R. *Makroistoriya: ocherki sotsiologii bol'shoi dlitel'nosti*. Translated from English by N.S. Rozov. Moscow, URSS Publ., Lenand Publ., 2015. 504 p.).
13. Korshunov A.M., Mantatov V.V. *Dialektika sotsial'nogo poznaniya* [Dialectics of social cognition]. Moscow, Politizdat Publ., 1988. 383 p.
14. Nekrasov S.I., Nekrasova N.A. *Vzaimootnoshenie dialektiki i sinergetiki* [Relationship between dialectics and synergetics]. *Pozitsiya. Filosofskie problemy nauki i tekhniki*, 2013, no. 7, pp. 23–29.
15. Ortega y Gasset J. *Chto takoe filosofiya?* [What is Philosophy?]. Moscow, Institut filosofii RAN Publ., 1991. 408 p. (In Russian)
16. Popper K.R. *Conjectures and Refutations: the growth of scientific knowledge*. London, Routledge & Kegan Paul, 1963 (Russ. ed.: Popper K.R. *Pred-*
- polozheniya i oproverzheniya: rost nauchnogo znanija*. Translated from English. Moscow, AST Publ., 2008. 638 p.).
17. Razvitie [Development]. *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [New encyclopedia of philosophy]. Available at: <http://iph.ras.ru/elib/2519.html> (accessed 20.01.2017).
18. Rozov N.S. *Dinamicheskaya kontseptsiya mentaliteta i izmenchivoe raznoobrazie rossiiskikh gabitusov* [Dynamic conception of mentality and the multiplicity of Russian habitus]. *Idei i idealy – Ideas and ideals*, 2010, no. 1 (3), vol. 1, pp. 60–79.
19. Rozov N.S. *Idei i intellektualy v potoke istorii: makrosotsiologiya filosofii, nauki i obrazovaniya* [Ideas and intellectuals in flow of history: macro-sociology of philosophy, science and education]. Novosibirsk, Manuscript Publ., 2016. 344 p.
20. Sandakova L.G., Zhigmytov C.V. *Sotsial'naya problema kak istochnik effektivnoi slozhnosti* [Social problem as a source of effective complexity]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of the Buryat State University*, 2015, no. 14, pp. 23–29.
21. Smirnov Yu.N., comp. *Igor' Vasil'evich Kurchatov v vospominaniyakh i dokumentakh* [Igor V. Kurchatov in memories and documents]. Russian Research Center “Kurchatov Institute”. Moscow, Izdat Publ., 2003. 638 p.
22. Turner Dzh. *Proshloe, nastoyashchee i budushchee v amerikanskoj sotsiologii* [The past, present and future of theory in American sociology]. *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo – Personality. Culture. Society*, 2001, vol. 3, no. 2 (8), pp. 11–39. (In Russian)
23. Turchin V.F. *Fenomen nauki: kiberneticheskie podkhod k evolyutsii* [The phenomenon of science. The cybernetic approach to the evolution]. Moscow, Nauka Publ., 1993.
24. Utrobin I.S. *Kategoriya slozhnosti i konkretno-vseobshchaya teoriya razvitiya* [The complexity category and concrete universal development theory]. *Novye idei v filosofii*, 1994, no. 2, pp. 56–68.
25. Fedyaev D.M. *Dialektika i sinergetika: nazad k pervoistochnikam* [Dialectics and synergetics: back to origins]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3. Obshchestvennye nauki – Izvestia*

Ural Federal University Journal. Series 3. Social and Political Sciences, 2011, vol. 94, no. 3, pp. 5–13.

26. Franchuk V.I. *Obshchaya teoriya sotsial'nykh organizatsii* [The social organisations' general theory]. Moscow, Soyuz Publ., 2001. 236 с.

27. Ashby W.R. *An introduction to cybernetics*. London, Chapman and Hall, 1956 (Russ. ed.: Eshbi U.R. *Vvedenie v kibernetiku*. Translated from English. Moscow, Izdatel'stvo inostrannoi literatury Publ., 1959. 432 p.).